

Сергей Скуратовский о стихах Дмитрия Терентьева

Автор вводит меня в мир, где рассказанная история старается быть неотделимой от переживания автора. Автор внимательно следит за детализацией и плотностью этой связи, видны его осознанные усилия в этом направлении. Как результат этого слияния, перед читателем периодически разворачивается затягивающая, привлекательная мистерия. Она обнажает диалог автора и мира, вынося содержание этого диалога за пределы созерцания, вопрошания, противостояния, как это обычно принято, до уровня интимного говорения.

Такой градус интимности делает читателя подслушивающим субъектом, из-за этого рождается напряжение при прочтении.

Но, к сожалению, такое напряжение невозможно удерживать долго, и автор начинает использовать искусственные средства для его удержания. Нарочитость, демонстративная посконность переживания и диалога – то ли это примета языка автора, то ли осознанная игра в стилизацию – у меня не сложилось точного мнения на этот счет.

Обилие манипуляций в сочетании с четкими прозрачными высказываниями рождает версию о том, что автор не очень доверяет своему способу извлечения поэзии, старается быть более внушающим, теряя при этом в убедительности.

ДМИТРИЙ ТЕРЕНТЬЕВ

МОСТ КАЛИНОВ

* * *

Пусто на погостах.
Волосы могил
ласково причёсывает ветер.
Мне не страшно, просто
я уже там был –
в зайтильском заповедном свете.

Было как в писаньи:
в избах свет потух,
красная ладья в луга не вышла.
Ночью над лесами
прокричал петух,
крик его я в зайтилье слышал.

Мне теперь неважно:
станет ли ковчег
в крайний путь надёжной домовиной,
или по овражью,
через пламя рек
Время перекинет мост калинов.

* * *

Я всё понял вмиг: он светился весь.
Облака по глазам его плыли.
Словно телом пока он остался здесь,
а душой уже там – в зайтилье.

Что я мог сказать – молча жёг костёр
да кивал на заволжские кущи:
этот берег осокой в тебе прорастёт,
а на том, верно, встретят лучше.

Отправлял его лодку небритый Бог,
черпал воду, в усы смеялся:
мол, любить меня всуе горазд любой,
только он осознал, что я есть любовь.
...По-над Волгой рассвет загорался.

* * *

ветру чёрному вопреки
я кричу тебе из-за реки
под кровавым крылом зари
говори со мной говори
расскажи как ты бродишь там
вверх ногами по облакам
как в тростник прорастает смерть
долго мне на костёр смотреть?

* * *

Нас с тобой зимой согреет дом,
мы его вдвоём согрели сами.
Я смотрю, пришиблен февралём,
в сумерки, как в щель между мирами.

За окном неслышно ходит снег.
На окне мерцает керосинка.
Будто за окном двадцатый век,
пепел Нагасаки с Хиросимой.

Каждый ищет огонёк во мгле.
Зажигать огни – святое дело.
Вновь метёт, метёт по всей земле,
как сто лет назад, во все пределы.

Свет несущая приди к одру,
да избави мя от жизни пресной.
Этой ночью навсегда умру.
Поутру, как водится, воскресну.

Буду снова раздувать в душе
смокнувшее пламя по старинке.
Главное, что в нашем шалаше
на окне мерцает керосинка.

* * *

В клетке бетонной с окошками в никуда,
с выходом в небо (табло на двери балкона)
слушаю молча, как с крыши текут года,
капает жизнь покорно.

В оттепель таю.
Очками ловлю лучи,
облако выдуваю,
дрожу, как снегирь на ветке.
Жив потому лишь, что слышу – ещё стучит
певчее сердце в клетке.

СЛИЯНИЕ

Окинуть золото Оки
очами мокрыми, заокать:
Откуда окуни? окстись!
Башкой качать и ахать:
О, как!

Со злости окунуть кирпич,
в глубинах сих найти отчаясь
этнохороним:
ты окич,
или окчанин?

≈

Воды серебряный поток
не удержать в ладонях долго,
поэтому держать платок,
махать, чтобы с холма над Волгой

тянуть восторженное «во»:
Во-о-от во-о-оля!
Только б возражали
на это бурлаки:
Чаво?

Во-о-от я, во-о-олжанин!

≈

На Стрелке до утра кутить,
по-чаячьи раскинув руки,
за косы реки ухватить,
связать от скуки;

смешать их криком «молочай»
(на птичьем с чайками балакать),
где слиты
горьковское «чай»

≈

нижегородское «однако».